

Въ университетскую библиотеку
губернскаго университета

Леонидъ Соколовъ.

Вниманию памятующих
меня моихъ земляковъ.

Л. С.

СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ. *Вступ. 1909*

(Вѣнокъ на могилу Н. В. ГОГОЛЯ по случаю столѣтней годовщины со дня рожденія писателя).

19 Марта 1809 года—19 Марта 1909 года.

„И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими страннѣйшими героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримая, невѣдомая ему слезы“. (Гоголь).

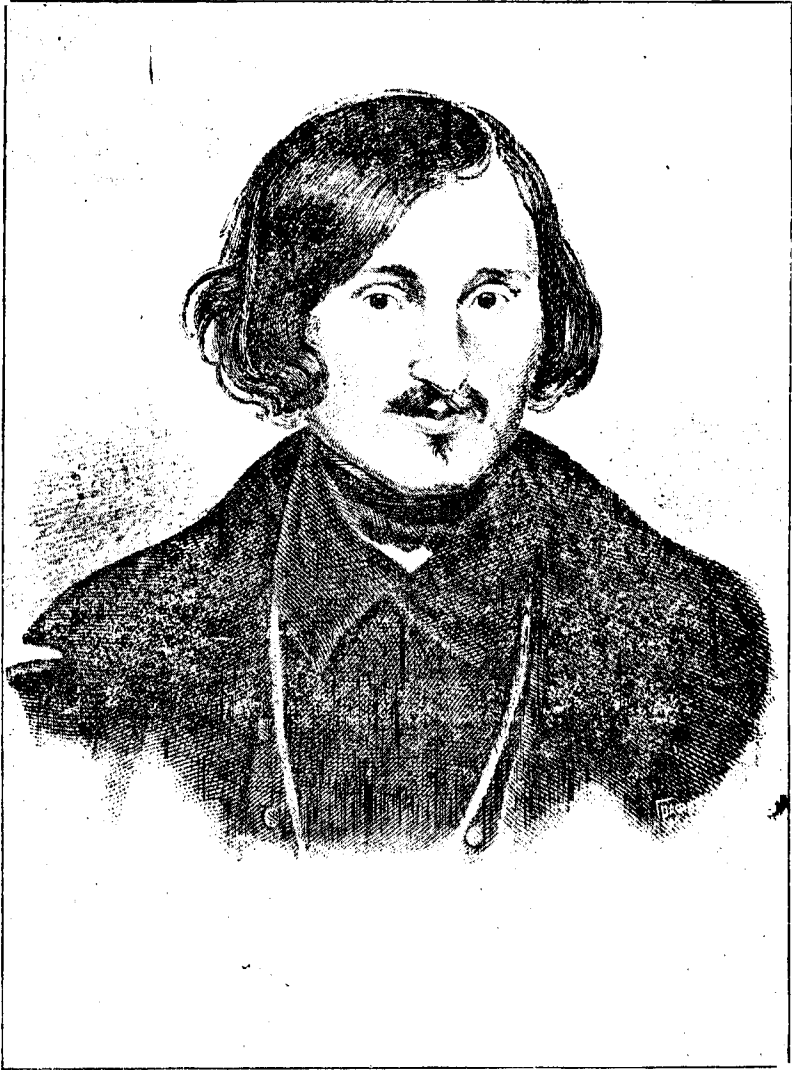
„Братья—писатели, въ нашей судьбѣ что-то лежитъ роковое“.

(Некрасовъ).

К І Е В Ъ.

Тип. „Русская Печатня“ Михайловскій проул. № 20.

1909.

Н. В. Поголь.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Ветупленіе.

II. Гоголь у себя дома—до выетупленія на литературный жизненный путь.

III. Гоголь въ етранѣ воспоминаній.

1) „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ (воспоминанія ближайшаго);

2) „Миргородъ“: а) «Тарасъ Бульба» (воспоминанія отдаленнаго); б) «Старосвѣтскіе помѣщики»; в) «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (возвращеніе къ дѣйствительности).

IV. Гоголь въ царствѣ жизненной ночи:

- 1) Петербургскія повѣсти;
- 2) Герои «Ревизора» и дополнительныхъ пьесъ;
- 3) Героя I т. «Мертвыхъ душъ»;
- 4) Мертвое поле жизни. Гдѣ жизнь?

V. Гоголь въ царствѣ будущаго. Мечты и разочарованіе:

- 1) Продолженіе «Мертвыхъ душъ»;
- 2) «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»;
- 3) Смерть Гоголя.

VI. Заключение. Что уносимъ мы съ поминокъ великаго сатирика идеалиста?—Судьба писателя въ нашихъ душахъ и современной русской дѣйствительности.

щіяся черты его личности и литературной его дѣятельности, мы испытываемъ, однако, немалыя затрудненія въ выборѣ ближайшаго предмета своихъ настоящихъ размышленій, опасаясь утрудить вниманіе читателя обзорѣніемъ всего обширнаго поля душевной и литературной жизни Гоголя. Душевная жизнь и литературная дѣятельность этого писателя такъ сложна, настолько во многихъ отношеніяхъ затруднительна для обстоятельнаго анализа, что о полномъ осуществленіи послѣдней задачи въ предѣлахъ краткаго очерка нельзя и мечтать.

Представляя себѣ нѣкоторую возможность, даже въ предѣлахъ настоящей краткой работы и безъ особеннаго обремененія настроенія читателей, прослѣдить наиболее интересную для меня въ данный моментъ сторону предмета, я прошу читателя направить вниманіе, вмѣстѣ со мною, на замѣчательную судьбу этого писателя, которая даетъ основанія и поводы намъ унести съ литературныхъ поминокъ вѣчную и благодарную память о Гоголѣ и содержательные мотивы для нашей настоящей жизни, а на дорогую могилу великаго печальника земли русской возложить посильный поминальный вѣнокъ.

II.

Гоголь у себя дома—до выступленія на литературный жизненный путь.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19 Марта и записанъ въ приходскихъ метрикахъ 20 Марта 1809 года.

Мирно, весело и покойно шло его дѣтство въ обезпеченной помѣщичьей семьѣ подъ любящимъ крыломъ доброй, впечатлительной и необычайно религіозной матери, женщины «золотаго сердца», и подъ воспитательнымъ вліяніемъ сердечнаго, добраго, живаго и отзывчиваго отца.

Естественно и быстро развивается наблюдательность мальчика къ жизни—подъ вліяніемъ отца, углубляется и крѣпнеть въ немъ религіозное тяготѣніе души къ идеальному

міру—подъ вліяніемъ матери. Окружающая жизнь въ томъ и другомъ отношеніи даетъ не мало содержанія маленькому наблюдателю: онъ впитываетъ впечатлѣнія богатой и ласкающей природы, чутко прислушивается къ жизни людской—крестьянской и помѣщицкѣй, переживаетъ вліянія народной пѣсни, сказки и быта.

Въ немъ рано развивается чуткость къ окружающей жизни и глубокое вниманіе къ себѣ, къ своему внутреннему міру, не всегда ясному для посторонняго наблюдателя. Его взоръ схватываетъ не только ближайшіе впечатлѣнія настоящего, но—на крыльяхъ мощной фантазіи уносится: и въ таинственную даль прошлаго, и въ загадочный туманъ манящаго будущаго. Онъ живетъ, растетъ и развивается, до самаго выстунленія въ дѣйствительную жизнь, въ средѣ впечатлѣній родныхъ и близкихъ, у себя дома и изъ этой уютной обстановки пока приглядывается къ внѣшнему общечеловѣческому.

Съ такимъ общимъ характеромъ проходятъ первые десять лѣтъ жизни Гоголя. Съ десяти лѣтъ отъ роду начинается образовательный періодъ его жизни, который идетъ до 1828 года. Полтавская гимназія и особенно Нѣжинскій Институтъ, не стѣсняя свободы Гоголя, хотя и не привнося особо существенныхъ измѣненій и содержанія въ строй его душевной жизни, давали ему полную возможность идти по тому же пути развитія занавшихъ ему въ душу подъ кровлею родительской свойствъ—жизненной наблюдательности и душевной впечатлительности, усиливъ природныя и родныя впечатлѣнія вліяніями литературы, театра, товарищества, расширеннаго масштаба жизни и углубившейся вдумчивости даровитаго юноши. Въ это время, веселый и остроумный на людяхъ, Гоголь переживаетъ настроенія тихой грусти, волнуется широкими вопросами жизни, мечтаетъ объ утвержденіи правды на землѣ, хочетъ найти и опредѣлить эту правду. А замѣчая, какъ мало люди жизни заняты этими исканіями правды, погружаясь въ практическіе интересы, Гоголь думаетъ о себѣ—идеалистѣ и искателѣ правды, какъ о натурѣ загадочной, назначенной Провидѣніемъ осуществить какое то свое особое жизненное

призваніе, онъ мыслить себя высшимъ въ сравненіи съ «жалкими существователями», какъ представляются ему люди, ему кажется, что онъ призванъ совершить «трудъ важный, благородный на пользу отечества»,—«я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія», пишетъ онъ, «черезъ годъ я вступаю на службу государственную». Пусть въ этихъ мечтахъ о своей особой высокой миссиі въ мірѣ много юношеской мечтательности, въ этихъ попыткахъ самоопредѣленія—проглядываетъ горделивая самоувѣренность, для насъ важно здѣсь то, какъ Гоголь понималъ себя, съ какими взглядами и намѣреніями онъ вступаетъ въ дѣйствительную жизнь.

Къ концу 1828 года Гоголь, передавъ свою часть имѣнія матери, самоувѣренно пріѣзжаетъ въ Петербургъ—завѣтный городъ, служба въ которомъ, можно, по представленію Гоголя, быть полезнымъ для родины. Мечты Гоголя сбылись:—онъ—въ Петербургѣ; мечты Гоголя разрушены:—завѣтній Петербургъ оказался другимъ въ дѣйствительности, чѣмъ онъ былъ въ мечтахъ будущаго писателя. Онъ мечталъ о свѣтлой веселой комнаткѣ съ окнами на Неву,—ему пришлось занять скромное помѣщеніе въ весьма неинтересной улицѣ. Онъ мечталъ о значительной роли и государственномъ вліянніи,—въ Петербургѣ онъ видитъ людей, въ которыхъ «никакой духъ не блеститъ, все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь» и самому ему угрожаетъ та-же участь. И это общая и постоянная участь Гоголя: жить мечтой и идеаломъ, идти къ нему, радостно смѣяться, увѣренно и рѣшительно приближаться и неизмѣнно переживать скорбь и разочарованіе, въ самомъ смѣхѣ своемъ и радости слышать ноты грусти и слезливости тона!

Несмотря на значительныя постигшія его испытанія, на тревогу и разочарованіе, вызвавшія его кратковременную поѣздки за границу, онъ вѣрить, что Провидѣніе путемъ испытанийъ ведетъ его на высшую ступень, «откуда бы былъ въ состояніи разсеивать благо и работать на пользу міра», онъ мечтаетъ найти счастье, «не личное счастье, а возможность посвятить свою жизнь для счастья и блага себѣ подобныхъ».

Масштабъ жизненный у будущаго писателя расширился, жизненные запросы усилились, мечта объ идеалѣ и счастіи для всѣхъ занимаетъ его всецѣло. Въ такомъ настроеніи не могла удовлетворить его ни кратковременная служба въ Департаментѣ Удѣловъ, ни неудачное профессорство и преподавательство, въ которомъ онъ хотѣлъ художественнымъ изложеніемъ и силою вдохновенія затмить вялыхъ профессоровъ, но самъ долженъ былъ признать въ себѣ недостаточность научной подготовки и неспособность къ усидчивой кабинетной работѣ.

Въ поискахъ своего 'жизненнаго призванія, въ стремленіи самоопредѣленія онъ выходитъ на самостоятельную дорогу лишь въ 1831 году изданіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и вступленіемъ подъ воспитательное вліяніе всесторонне руководившаго имъ Пушкина и др. литературныхъ друзей. Рано и вѣрно опредѣливъ природный талантъ Гоголя, его характеръ и направленіе; цѣня и понимая Гоголя, какъ плохо образованный, но замѣчательный самородокъ, великій Пушкинъ существенно новліялъ на его самообразование, онъ же открылъ безцѣнный кладъ въ душѣ Гоголя, опредѣлилъ его цѣнность, указалъ ему дорогу писателя—сатирика, далъ ему сюжеты для лучшихъ его произведеній и своею чистою душой привѣтствовалъ появленіе въ свѣтъ его трудовъ.

Съ указаннаго времени Гоголь идетъ по трудной дорогѣ поэта въ поискахъ своего высокаго идеала и блага другихъ, пока не кончаетъ возвратомъ къ простымъ, но вѣчно новымъ впечатлѣніямъ дѣтства, разочаровавшись въ пройденномъ пути и оставаясь вѣренъ своей всегдашней мечтѣ о надземности идеала, полный чрезмѣрныхъ упрековъ себѣ за то, что мечта не удержана въ рукахъ, что она не заключена въ клѣтку реальности.

Кратко обобщая сказанное о первомъ періодѣ жизни Гоголя, мы можемъ опредѣлить этотъ первый періодъ жизни писателя, съ 1809 г. по 1831 г., какъ время пребыванія у себя дома—въ предѣлахъ домашней, школьной и, отчасти, чиновничьей обстановки и жизни въ себѣ,—въ стремленіи къ самоопредѣленію.

Мирно снятъ жалкіе существователи, тускло мерцають лампада ихъ жизни; дымно, темно и неясно кругомъ. При этихъ условіяхъ не представляется ясно и окружающая обстановка:—слабо теплится огонь въ очагѣ жизни; питающіи человека хлѣбъ слабо шипитъ въ тѣсныхъ, предоставленныхъ ему рамкахъ и предѣлахъ; успокоена стихійная сила жизненной воды; пріятная сторона жизни не представляется ясною; не понятно,—гдѣ вѣрный другъ, гдѣ коварный и льстивый врагъ, имѣющіи личину дружбы; лишь изрѣдка слышатся звуки живой жизни, музыка радости. Доносятся вѣсти о возможномъ жизненномъ обиліи и довольствѣ, и наиболѣе чуткая душа человека пробуждается къ этимъ невѣдомымъ впечатлѣніямъ, радуется имъ, старается разумно отвѣтить на ноющіи голосъ тоскливой зависти и готова примириться съ малосодержательностью и бѣдностью настоящаго. Но вотъ является добрая фея, она будитъ готовую заснуть душу, убѣждаетъ ее въ возможности общаго счастья, лишь бы создать для этого необходимыя условія, лишь бы найти и словить синюю птицу общаго счастья; она указываетъ человеку что жизнь, счастье и разумность разлиты кругомъ, что во всѣхъ явленіяхъ окружающей жизни человекъ можетъ видѣть проблески разумности и, опредѣляя степень этой разумности въ окружающемъ, неуклонно итти въ поискахъ общечеловѣческаго счастья, слѣдуя ближайшимъ указаніямъ «души свѣта»—своего пытливаго разума и вѣчнымъ идеальнымъ стремленіямъ, не страшась ужасовъ жизни.

III.

Гоголь въ странѣ воспоминаній:

1. «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (воспоминанія ближайшаго);
2. «Миргородъ»: а) «Тарасъ Бульба» (воспоминанія отдаленнаго прошлаго); б) «Старосвѣтскіе помѣщики»; в) «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (возвращеніе къ дѣйствительности).

И Гоголь, давно, съ дней дѣтства своего «внимавшій въ шумѣ и въ тиши роптанье вѣчное души», слышалъ этотъ

голосъ «души свѣта»—своей разумно—идеальной души, а роль доброй феи выполнили при немъ Пушкинъ и Жуковскій, особенно первый; и пошелъ Гоголь по литературной дорогѣ исканія и воплощенія идеала. Послѣдуемъ за нимъ, являясь вѣрными его спутниками, и мы будемъ свидѣтелями его открытій и наблюденій, побѣдъ и разочарованій, приобретеній и потерь— а) въ странѣ воспоминаній, б) въ царствѣ жизненной ночи и в) въ странѣ будущаго—предверіи полного осуществленія идеала.

1. Въ «завѣтномъ» но ожиданіямъ, въ хмуромъ и непривѣтливомъ по дѣйствительности Петербургѣ Гоголь чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ и личными служебно—жизненными условіями, и общественной жизнью «существователей», и контрастами богатства и бѣдности, заботности и высокомерія.

Творческая фантазія, руководимая разумно—идеальнымъ стремленіемъ «души свѣта», повела его въ родную Малороссію, отъ мѣста, «гдѣ люди въ кучахъ за оградой не дышатъ утренней прохладой, ни вешнимъ запахомъ луговъ»,—въ «тотъ край, гдѣ все обильемъ дышетъ, гдѣ рѣки льются чище серебра, гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора, ... туда, гдѣ сердцу было такъ легко, гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететь Маруся, о старинѣ поетъ слѣпой Грицько» (А. Толстой). Продукты творческой фантазіи, воспоминанія и наблюденія дѣтства, факты и матеріалы, доставленные Гоголю въ письмахъ, все это, одухотворенное и объединенное, представало предъ читателями въ видѣ волшебной сказки «Вечеромъ на хуторѣ близъ Диканьки».

И переходя вмѣстѣ съ авторомъ въ эту *страну ближайшихъ воспоминаній* его, мы поражаемся своеобразнымъ міромъ народной мечты, темнымъ міромъ суевѣрій, преданій, примѣтъ, легендъ и мифовъ, мы созерцаемъ здѣсь фантастическое и невозможное, какъ реальное и осуществленное. Мечта и правда, вымыселъ и дѣйствительность переплетены такъ тѣсно, что мы и не пытаемся различать ихъ, отдаваясь непосредственному впечатлѣнію.

Мистическій міръ потусторонней жизни сошелъ на землю, черти и вѣдьмы, русалки и оборотни, колдуны и утопленники

вошли въ человѣческое общество и составляютъ въ немъ съ людьми договоры и обязательства; въ ночь на Ивановъ день цвѣтетъ напоротникъ и добывній его человѣкъ можетъ отыскать клады. Величественныя и прекрасныя картины природы даны въ «Вечерахъ на хуторѣ»... Припомнимъ прекрасно—фантастическія картины природы въ «Майской ночи», описаніе лѣтняго дня въ Малороссіи («Сороч. ярмарка»), чудный Днѣпръ при тихой погодѣ («Страшная месь»), картину ночи («Майская ночь» и «Ночь предъ Рождествомъ»), и мы, по мѣрѣ яркости нашихъ воспоминаній, почувствуемъ себя переселившимися въ волшебное царство фантазіи, въ загадочный міръ разнородныхъ и своеобразныхъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что въ созерцаніи этихъ картинъ, авторъ заставляеть насъ жить его настроеніями и мы охотно подчиняемся ему, какъ чудодѣйственному волшебнику. И въ этомъ мірѣ фантазій міръ человѣческій реальній тоже приподнимается надъ землей. Яркія картины ярмарки, деревенской жизни зимой и лѣтомъ, своеобразныхъ бытовыхъ отношеній разцвѣчены интересными, но общими и сливающимися типами людей, въ которыхъ любовь и вражда, важность и лѣнь, самоуниженіе и упрямство, грація и нѣжность—все идеализировано и представлено въ видѣ привлекательномъ, интересномъ и мягкомъ. И надъ всѣмъ этимъ міромъ счастья и довольства, страшнаго и обычнаго, за немногими исключеніями, несетя радостный и легкій, беззаботный и бодрый, веселый и здоровый смѣхъ автора, какъ бы чувствующаго, что синяя птица счастья общечеловѣческаго—здѣсь, близко, она должна быть въ этой странѣ воспоминаній, она уже какъ будто въ рукахъ автора. Но смѣшное и веселое мигомъ обратится въ печальное и грустное, какъ только мы остановимъ на немъ свое пристальное вниманіе. И среди возвышенно—романтическихъ и весело—ласкающихъ впечатлѣній «вечеровъ на хуторѣ»... мы видимъ реалистическую незаконченную картинку помѣщицкѣй жизни благонаправнаго Ивана Ѳеодоровича Шпоньки, не менѣе благонаправной его невѣсты и его исполинской тетушки Василисы Кашпаровны, которыхъ жизненныя заботы сведены къ подсчету

дынь и арбузовъ, а идейные разговоры и впечатлѣнія украинскаго лѣта подмѣнены соображеніями о множествѣ мухъ лѣтомъ: несмотря на то, что «братецъ нарочно сдѣлалъ хлопнушку изъ стараго маменькинаго башмака, ихъ все еще очень много».

Въ душу читателя, вмѣстѣ съ авторомъ, закрадывается невольное подозрѣніе къ поэтически нарисованной въ «Вечерахъ на хуторѣ»... красивой картинѣ природы и быта: можетъ ли быть подлинное человѣческое счастье тамъ, гдѣ ловля мухъ лѣтомъ и избіеніе ихъ посредствомъ стараго маменькинаго башмака составляетъ занятіе первѣйшей важности, и не есть ли эта картина только миражъ, который разсѣется, если взглянуть на него поближе.

2. Лѣтомъ 1832 года Гоголь нобывалъ на своей родинѣ и увидѣлъ непосредственно, взоромъ зрѣлаго человѣка, ту природу и бытъ, которые онъ раньше рисовалъ на основаніи данныхъ воспоминанія и воображенія, — и въ его смѣхъ, веселый и жизнерадостный, вошла замѣтно слышная нота ноющей скорби и подъ конецъ опредѣленія подлинной дѣйствительности его видимый міру смѣхъ зазвучалъ уже сквозь незримыя для міра слезы. При общеніи съ живой подлинной дѣйствительностію родного края и русской жизни вообще — романтико-фантастическій элементъ возвышеннаго и прекраснаго на глазахъ автора сталъ блѣднѣть и реальная обстановка праздника жизни угрожала предстать предъ своимъ пытливымъ наблюдателемъ въ самой будничной прозаичности. Но человѣкъ идеала и возвышенныхъ стремленій, подобно великимъ идеалистамъ-мыслителямъ всѣхъ временъ (Платонъ, Кантъ, Шеллингъ, Гегель и др.), не склоненъ преклониться предъ буднями жизни и скорѣе готовъ признать эту, признаваемую толпою, реальность за миражъ, чѣмъ отказаться отъ необходимой идеальной, должной реальности — вѣчнаго праздника идейно настроеннаго духа. И Гоголь былъ такимъ идеалистомъ, и сумерки жизни были невыносимы для него. Кто разумъ, его душа свѣта повела его *въ страну воспоминаній отдаленнаго прошлаго*, отъ сѣрой и однообразной будничности XIX вѣка къ идейному празднику героическаго

прошлаго XV вѣка, когда жили не приторно-благонравные, до 40 лѣтъ дѣти,—Шпоныки, а великіе борцы за вѣру, народность и родину Тарасы и Останы. Явилась повѣсть „Тарась Бульба“.

Сложна и величественна жизнь человѣка по этой повѣсти. Человѣкъ разностороненъ: его умъ пытливъ и изобрѣтателенъ; взгляды и убѣжденія не сложны, но тверды и опредѣлены; его сердце широко и отзывчиво, тепло и бодро; живетъ не личными, а альтруистическими чувствами вѣры въ Бога, любви къ родинѣ и полно святого одушевленія по отношенію къ товариществу, оно любитъ свою святыню такъ, „какъ можетъ любить русская душа,—любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а веѣмъ чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ“. Воля человѣка стихійно-непоколебима и не признаетъ пренонъ къ охранѣ святынь своихъ, а если преноны эти пытаются сломить желѣзную мощь человѣка, то человѣкъ готовъ умереть за вѣру, родину и товарищество и „ужъ если на то пошло, чтобы умирать, такъ никому же изъ враговъ не доведется такъ умирать! Никому, никому! Не хватить на то мышинной натуры ихъ!“—Незамѣчательный семьянинъ, суровый мужъ и отецъ, презрительно относящійся къ женщинѣ, полагающій самую большую опасность для героя въ возможности „обабиться“, не считающійся съ материнскими чувствами своей забитой, скорбной, но великой въ своемъ материнствѣ жены, съ чертами жестокости вообще, Тарась Бульба представляется, однако, въ образѣ богатыря—титана, какъ герой-воинъ за вѣру, родину и товарищество: онъ уменъ, сметливъ, сообразителенъ и находчивъ; дипломатъ и тонкій психологъ; личное начало подчинено въ немъ общественному, личной жизни въ немъ очень мало. Презирая физическую боль вообще, Тарась съ прибитыми къ дереву руками, подпаливаемый огнемъ, не думаетъ объ огнѣ и предстоящей смерти, а слѣдитъ за отступленіемъ своихъ казаковъ, зычнымъ и рѣшительнымъ голосомъ подаетъ имъ послѣдніе полезные совѣты, за что получаетъ отъ враговъ «ударъ обухомъ по головѣ, который переверотилъ все въ его глазахъ», а когда очнулся

Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, гдѣ плыли избѣжавшіе погони казаки, «вспыхнули радостно очи у стараго атамана. Прощайте товарищи», крикнулъ онъ имъ сверху. «Есть ли на свѣтѣ что нибудь, чего бы побоялся казакъ? Пойдите же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра!» «Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему»... А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ ноги Тараса и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу! А великое сердце, глубокая скорбная душа Тараса развѣ не вызываетъ въ насъ необычайное и благоговѣйное удивленіе, когда выздоравливающій отъ ранъ своихъ Тарасъ равнодушенъ ко всему, сурово и равнодушно глядитъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступаетъ неугасимая горестъ и тихо, понуривъ голову, говоритъ онъ: «сынъ мой, Остапъ мой!» Но еще сильнѣйшее наше изумленіе вызываетъ великая картина мучительной смерти Остапа: мертвая тишина многотысячной толпы, переламыванье костей Остапа, хряскъ и трескъ ихъ; потушенный, но гордый взглядъ Тараса и это отечески-героническое: «добре, сынку, добре!», потребность Остапа въ разумномъ утѣшеніи при кончинѣ, когда «упалъ онъ силою и выкликнулъ въ душевной немощи: «Батько! Гдѣ ты? Слышишь ли ты все это»?... «Слышу!»—раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллионъ народа въ одно время вздрогнулъ». Вотъ какъ величественна картина жизни человѣческой на началахъ идейности, вотъ они титаны-герои, богатыри—не мы, и, пусть имъ досталась недобрая доля,—они велики въ своей любви къ родинѣ, недосыгаемо высоки въ своей вѣрности убѣжденіямъ, лучезарно обвѣяны радужнымъ сіяніемъ неліцемерной вѣры въ Бога, удивительно красивы въ своей готовности сложить голову за родину, вѣру и товарищество, въ своей рѣшимости принести все личное въ жертву общему благу и, ради послѣдняго, вытерпѣть жесточайшія муки.

И разыскавъ ихъ въ *странь воспоминаній отдаленнаго прошлаго*,—Гоголь, мы понимаемъ, былъ счастливъ, ибо. по его же словамъ,—«счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностію, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка.. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ удивительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все рукоплеща несется за нимъ и мчится вельдѣ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всеми другими геніями міра, какъ парить орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всехъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ—онъ Богъ!»! И эту судьбу писателя, наиболѣе симпатичную автору, Гоголь унаслѣдовалъ и закрѣпилъ за собою въ данный моментъ, показавъ намъ, какимъ великимъ и прекраснымъ, даже при нѣкоторыхъ недостаткахъ, можетъ быть человѣкъ, когда онъ обвѣянъ сіяніемъ идеи.

Въ *странь воспоминаній* Гоголь нашелъ и заключилъ въ клѣтку своей чудной поэзіи *сильную птицу* человѣческаго счастья и, любуясь ней, опредѣлилъ ея основныя черты и свойства: человѣкъ, признавшій идейныя стремленія своего богоподобнаго разума за главное начало своихъ дѣйствій, опредѣленный и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, живо чувствующій прекрасное и великое въ мірѣ и готовый отдать себя всецѣло на благо родины и, въ случаѣ надобности, пожертвовать собою за вѣру, народность и свою святыню, вѣрующій въ великое будущее своей родины и не размѣнивающій свою душу на жалкіе гроши меркантильной расчетливости—вотъ какимъ представляется Гоголю разысканный имъ въ *странь воспоминаній отдаленнаго прошлаго* человекъ, не «существователь», а дѣятельный гражданинъ-борецъ. И если

этотъ должный человѣкъ изъ отдаленнаго прошлаго перейдетъ преемственно въ ближайшее настоящее, если синяя птица счастья *изъ страны воспоминаній*, при помощи поэтически созданной клѣтки вдохновеннаго творчества, невредимо перенесется въ *тусклую дѣйствительность* настоящаго и советъ въ ней постоянное гнѣздо, дѣйствительность преобразится: существователи станутъ героями, эгоисты—братьями, равнодушіе смѣнится сердечнымъ горѣніемъ, сухой расчетъ—служеніемъ идеѣ и задрожитъ въ жизненной атмосферѣ радостный смѣхъ,— смѣхъ счастья счастливаго человѣка!

И Гоголь понесъ «синюю птицу» изъ страны воспоминаній въ родную современность и, переведа свой поэтическій взоръ на эту реальность, посмотрѣлъ, какъ выглядитъ въ ней дорогая и трудно добываемая птица разумнаго человѣческаго счастья,—герой и идейный борецъ въ прошломъ какъ выглядитъ человѣкъ въ условіяхъ настоящаго, какъ онъ хранитъ свое вѣковое наслѣдство, не размѣнялъ ли его на мелочи, не растратилъ ли его, и остался ли въ немъ утвержденный воспоминаніями прошлаго привлекательный колоритъ героя-борца за вѣру, народность и счастье? Явились повѣсти Гоголя «Староевѣтскіе помѣщики» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». *Въ мечтахъ поэты*, въ воспоминаніяхъ прошлаго—величественные и яркіе образы Тараса Бульбы и его сыновей,—*въ дѣйствительности и современности*—на смотръ писателя поэта выходятъ, что то пожевывая беззубыми ртами, съ скромными, безобидными наивными лицами Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, за ними—герон знаменитой ссоры: Иванъ Ивановичъ—высокій, худощавый, въ высококомъ картузѣ, въ своей славной бекешѣ, которая ешита еще до начала Миргородскаго лѣтосчисленія, «когда Агафья Ѳедосѣевна не ѣдила въ Кіевъ, та самая, что откусила ухо у засѣдателя», дальше Иванъ Никифоровичъ—въ халатѣ, очень полный и съ большою склонностью «распространиться въ ширину».

Старички Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна съ недоумѣніемъ посматриваютъ на писателя, зачѣмъ онъ ихъ

потревожилъ: что онъ—гость, или—по казенной надобности? Въ томъ и другомъ случаѣ они рады и готовы принять его и угостить всѣми своими чудодѣйственными настойками и универсальными закусками, занять наивнымъ разговоромъ о политикѣ, о возможности, попусценіемъ Божіимъ, пожара въ домѣ или поѣздки Аѳанасія Ивановича на войну на страхъ врагамъ; они непремѣнно оставятъ своего случайнаго гостя ночевать, предоставивъ въ его распоряженіе жарко натопленную комнатку и перину, настолько пышную, что нужно подставлять лѣсенку, чтобы взлѣсть на нее. Но больше—съ нихъ не спрашивай. Широта Руси имъ не видна. Воспоминаній прошлаго у нихъ нѣтъ: они обходятся безъ прошлаго и безъ будущаго, они не пойдутъ съ писателемъ ни въ страну воспоминаній, ни въ царство будущаго, они побоятся ужасовъ жизненной ночи. «Это все выдумки» скажутъ старички: «что еще нужно, чего еще желать»? Развѣ чѣмъ либо не хороша жизнь?! «Ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблоками и сливами». Жизнь тиха и безмятежна. Комнатки ужасно теплы. Въ хозяйствѣ безпримѣрное обиліе: «комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундучками, ящиками, ящичками и сундучечками... Соленія, сущенія, варенія обращаютъ домъ старичковъ въ химическую лабораторію». Подъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ водку на персиковые листья, на черемуховой цвѣтъ и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Большая часть запасовъ съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои». Въ этомъ хозяйственномъ обиліи, въ мірѣ душевныхъ движеній, ограниченныхъ хозяйственными частоколами, не можетъ быть простора широкимъ идеямъ, мысль о служеніи родинѣ мало имѣетъ мѣста. Оставимъ Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ доживать свой довольный вѣкъ, безобидные и милые старички заслуживаютъ покоя за свою доброту, не

будемъ пугать ихъ призывомъ къ идейному освѣщенію и обновленію жизни!

Понцемъ людей, готовыхъ воспринять идею обновленія и доблестнаго служенія родинѣ, среди людей, болѣе молодыхъ, крѣпкихъ и не растратившихъ свои силы на жизненную борьбу!—Предъ глазами Гоголи и нашими являются Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ—честь и украшеніе Миргорода «Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него, со всѣхъ сторонъ, навѣсъ на дубовыхъ столбахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, сниметъ съ себя и бекешу, и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Ганкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Ганкѣ принести чернильницу и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надписъ надъ бумажкою съ сѣменами: «сія дыня съѣдена такого то числа». Если при этомъ былъ какой либо гость, то: «участвовалъ такой—то». Иванъ Ивановичъ любитъ говорить, Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но за то, если влѣпить словцо, то держись только: отбрѣть лучше всякой бритвы. Голова Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ, голова Ивана Никифоровича—на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя —и тарелку кинетъ, и хозяину достанется Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и, когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Не смотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ—прекрасные люди».

И эти замѣчательные люди, довольные собою, и своею жизнью, и другъ другомъ, и другими людьми, эти неразлуч-

ные друзья поссорились между собою изъ за того, что Иванъ Никифоровичъ назвалъ Ивана Ивановича гусакомъ, хотя ранѣе, въ знаменитомъ ихъ дружескомъ разговорѣ о ружьѣ Ивана Никифоровича, ими были сказаны болѣе обидныя вещи. Друзья разошлись навѣки. Не будемъ слѣдить за всеми перипетіями знаменитой и грустной тяжбы Миргородскихъ друзей, ради которой забыты: аккуратно съѣдасмыя дыни, просторный халатъ, лежаніе подъ навѣсомъ въ костюмѣ Адама до грѣхонаденія, дружескія свиданія съ нюханіемъ табаку, сладостное питье чаю въ прохладной водѣ и пр. и проч. пріятныя прелести счастливой и сытой жизни Миргородскихъ существователей. Вспомнимъ конецъ повѣсти, гдѣ авторъ описываетъ свою послѣднюю встрѣчу съ Миргородскими друзьями: много лѣтъ прошло со времени ссоры, истрепались и разорились друзья, но оба неизмѣнно заняты тяжбой и надѣются на рѣшеніе ея каждый въ свою пользу. Сопоставивъ начало и конецъ повѣсти: апатичное, сытое, животное прозябаніе Миргородскихъ друзей—съ одной стороны, и ихъ глупую, заполнившую ихъ жалкое существованіе тяжбу—съ другой стороны, мы затруднимся сказать: что лучше—первоначальная ли апатія и прозябаніе или позднѣйшая бессодержательная и бессмысленная дѣятельность; въ одномъ согласимся—все грустно: и куда разумнымъ окомъ мы по жизни не глядимъ, въ униженіи глубококомъ человѣка всюду зримъ! Грустна жизнь тихаго Миргорода, какъ грустна погода, изображенная въ концѣ повѣсти: сѣрая липкая грязь, лязганье по ней лошадиныхъ копытъ, дождь ливня льетъ, сырость проникаетъ организмъ. «Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо.—Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Такъ грустно закончилась идейно задуманная экскурсія Гоголя въ страну воспоминаній и «синяя птица» героическихъ воспоминаній прошлаго, счастье идейнаго служенія родинѣ, въ близкой Гоголю современности обратилась въ черную галку, въ мокрую ворону жалкаго существованія и глупой, бессмысленной и безцѣльной, жалкой борьбы. Судьба писателя из-

мѣнилась: ему суждено было дерзновенно «вызвать наружу все, что ежeminутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,— всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ скучная и горькая дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи!»

И когда мы наблюдаемъ на жизненномъ полѣ скучную и горькую дорогу, повседневные характеры, рельефно изображенные силою неумолимаго рѣзца, мы подпадаемъ власти чудодѣйственнаго художника: мы беззаботно смѣемся надъ Миргородскими друзьями, ихъ одѣяніемъ, времяпровожденіемъ, пустою жизнью, случайной ссорой, но останавливая на этомъ смѣшномъ свое вниманіе дольше, вдумываясь въ него, мы теряемъ свой смѣхъ и смѣшное обращается въ печальное, особенно, если мы поставимъ себѣ предположительный вопросъ: а что, если эти образы Миргородскихъ друзей широко типичны, а если это бездѣлье Миргорода есть бездѣлье всероссійское и даже болѣе— бездѣлье и безцѣлье міровое? Тогда скучно на этомъ свѣтѣ, господа!— Но въ томъ то и дѣло, что разумъ человѣческій— идейная душа свѣта, истины, добра и красоты никогда не примиряется съ такимъ выводомъ, потому что въ глубинѣ своего духа челсвѣкъ природно носить увѣренность въ томъ, что 1., идейно существуютъ Богъ, истина, добро, прекрасное, справедливость, 2., міръ идейный и есть та подлинная реальность, которой суждено устранить мнимую реальность фантома дѣйствительности. 3., что настоящая человѣческая жизнь, какъ бы ни сгушались ея сумерки, хотя бы до полной тьмы безпросвѣтной ночи, можетъ быть, однако, поставлена на путь приближенія къ идеалу, 4., что въ жизни этой непременно есть отраженія идеала, есть люди и стороны жизни, фактически осуществляющіе великую задачу идейности. Поэзія и философія въ разныхъ ихъ представителяхъ раскрываютъ намъ эти положенія. И творческому духу Гоголя естественно было желать вызвать на поле поэтическаго

зрѣнія идеальныя русскіе типы, призвать къ возрожденію и исправленію даже порочныхъ и пошлыхъ героевъ своихъ. Но прежде этого ему суждено было вызвать наружу многое, чего не зрятъ равнодушныя очи, могучимъ и яркимъ факеломъ вдохновенія освѣтить мракъ жизненной ночи. И Гоголь вошелъ въ ночную тьму.

IV.

Гоголь въ царствѣ жизненной ночи.

1. Герои Петербургскихъ повѣстей: «Шинель», «Носъ», «Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго».
2. Герои «Ревизора и дополнительныхъ пьесъ».
3. Герои I т. «Мертвыхъ душъ» Болѣзни, призраки и ужасы жизни.
4. Мертвое поле жизни. Гдѣ жизнь?

Мрачна, безпросвѣтна жизненная ночь, не видно опредѣленной дороги, не ясно, откуда занимается свѣтъ, но онъ долженъ быть, но онъ есть,—въ этомъ убѣждаетъ пытливая мысль человѣка, къ этому ведетъ человѣка идейный разумъ, побуждая сердце и волю усилить работу по раскрытію тайнъ жизни, а поэта и мыслителя убѣждая войти въ жизнь съ яркимъ свѣточемъ идеала, предъ которымъ обратятся въ постыдное бѣгство призраки и ужасы жизни. Царство мрака и невѣжества—жизненная ночь отстаиваетъ свою позицію, она ставитъ преграды человѣческой пыливости, ревниво охраняетъ свои мнимыя и временныя тайны. Но—факель зажженъ, человѣкъ-поэтъ, нашъ гениальный Гоголь направилъ на жизнь яркій свѣтъ своего творчества и во мракѣ жизни предстали предъ нимъ призраки и ужасы жизни, ея болѣзни и недостатки и мы, вмѣстѣ съ поэтомъ, видимъ жизнь человѣческую во всей ея неприглядной откровенности.

1. Вотъ фигуры изъ Петербургскихъ повѣстей Гоголя:—Застѣнчиво и робко, съжившись и сгорбившись, идетъ въ своемъ старенькомъ «капотѣ» герой «Шинели» Акакій Акакіевичъ, въ приземистой шляпѣ, съ случайнымъ украшеніемъ

изъ арбузныхъ корокъ, съ боязнію на лицѣ, какъ бы его и здѣсь не осмѣяли, не устроили бы надъ нимъ обидной шутки. Далѣе майоръ Ковалевъ, у котораго пропала носъ, сконфуженно закрываетъ платкомъ то мѣсто на лицѣ, гдѣ ему быть полагается. А вотъ юный и талантливый художникъ Пискаревъ изъ повѣсти «Невскій проспектъ»,—человѣкъ съ прекрасной душой, съ ясной вѣрой въ идеаль, погибаетъ потому, что его вѣра въ идеаль поругана и осмѣяна, а поручикъ Пироговъ въ той же повѣсти, не имѣя высшаго идеала, чуждъ и страданій, и, послѣ избіенія его нѣмецкими ремесленниками, сначала хочетъ жаловаться Генераль-Губернатору и въ военный судъ, а потомъ заѣдаетъ свое горе двумя слоеными пирожками. Титулярный совѣтникъ Поприщинъ, съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и невѣроятными претензіями, тяготясь своимъ ничтожествомъ, приходитъ къ побѣдѣ фантазіи надъ разсудкомъ и сходитъ съ ума, воображая себя Фердинандомъ VIII. Даровитый художникъ Чартковъ бодро идетъ къ идеалу, шлифуя алмазъ своего таланта подъ руководствомъ профессора, но онъ поддается соблазнительному голосу жизненной ночи, прельщается благами міра, начинаетъ смотрѣть на искусство, какъ на средство наживы и достиженія славы, подлаживается подъ вкусы черни и погибаетъ, поздно понимая свою ужасную измѣну идеалу. Жизнь всѣхъ неречисленныхъ героевъ призрачна и по результатамъ жалка,—въ результатѣ грусть и разочарованіе. Жизнь туманна и скользка, ея пути или неопредѣленны и неясны, или становятся ясными послѣ многихъ ошибокъ.

2. Вслѣдъ за личными призраками и разочарованіями—выступаютъ въ творествѣ Гоголя на поѣтическую сцену, имъ созданную, типы жизненныхъ злоупотребленій и преступленій: въ комедіи «Игроки» семь жуликовъ-артистовъ, карточныхъ шулеровъ, обыгрываютъ другъ друга на колодѣ картъ, носящей имя «Аделанды Ивановны», состязаются въ самоуничтоженіи. Далѣе въ старомодной гостиной у перерзѣлой купеческой дочери, мечтающей о мужѣ со всѣми достоинствами, толпятся убогіе душой и тѣломъ, карикатурные женихи не менѣе

странной невесты Агафин Тихоновны. За ними идутъ герои «Ревизора» — шесть растерявшихся чиновниковъ, утратившихъ пониманіе смысла и цѣли жизни, угасившихъ въ себѣ искру Божію и дрожащихъ при мысли о ревизорѣ. Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій справляетъ именины дважды въ годъ, присваиваетъ казенныя деньги, притѣняетъ купцовъ, обижаетъ частныхъ людей, но считаетъ себя твердымъ въ религіи, а на самомъ дѣлѣ онъ двоенѣрный и обрядовѣрный — это безопадный хищникъ и плутъ, очень твердо увѣренный въ томъ, что «нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собой грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, — вольтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ». За нимъ — его жалкіе сподвижники съ различной степенью нахальства, наивности и служебныхъ злоупотребленій. Рядомъ съ ними — уѣздные сплетники Бобчинскій и Добчинскій, впутавшіеся въ исторію съ ревизоромъ только отъ бездѣлья и праздности. Далѣе — жена и дочь городничаго — кокетки, опалѣвшія отъ праздности и жизненной беземыслицы, а съ ними рядомъ — случайная и дутая гроза чиновничьяго міра — мнимый ревизоръ, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, съ его неудержимой фантазіей и замѣчательной легкостью въ мысляхъ. Тутъ же столичный лакей Осинъ, развившій вкусъ къ галантерейному обращенію и оцѣнившій практическую приложимость свѣдѣній о сквозныхъ дворахъ. — Смѣхомъ сопровождаетъ зритель всѣ перипетіи этой образцовой комедіи, получая удовлетвореніе, что непролазное неврѣжество, дикій произволъ и отчаянныя злоупотребленія не остаются безнаказанными, а надутое чванство и бездонная, пустота лопаются, какъ мыльный, временно красивый пузырь. Но смѣшное мигомъ обратится въ печальное и смѣхъ — въ ноющую грусть, какъ только мы представимъ широкую типичность изображаемыхъ явленій, не только въ смыслѣ общественномъ, но и психологическомъ, какъ только мы вдумаемся въ заключительныя авторскія слова устами городничаго: «Чему смѣтесъ? — Надъ собой смѣтесъ!» И еще болѣе грустно станетъ на душѣ, глубоко и печально задумаемся мы, если мы въ пониманіи картины «ревизора» пойдемъ за авторомъ: «Ну,

а что, если этотъ городъ — нашъ душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ?... Взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ которымъ и наилучшіе изъ насъ, не позабудете этого, нотупятъ отъ стыда въ землю глаза свои... Страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба!»—Гдѣ тотъ прекрасный челоѡкъ, съ царственнымъ ореоломъ на челѣ своемъ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца; зачѣмъ затерянъ высшій разумный синтезъ? Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

3. Чѣмъ больше погружается Гоголь въ глубь жизненной ночи, чѣмъ дальше пронизываетъ его поэтическій свѣточъ мракъ грустной отрицательной дѣйствительности, тѣмъ печальнѣе становится его жизненный путь, тѣмъ сложнѣе становится сопровождающій его карикатурно-трагическій кортежъ, тѣмъ больше ноющихъ тоскливыхъ нотъ слышится въ его смѣхѣ. Дологъ путь скорбной жизни, дальняя дорога! И это сознаетъ Гоголь: «И долго еще опредѣлено ему чудной властью итти объ руку съ его странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная выюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почувемъ мы, въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей...»

По соображенію съ общимъ характеромъ нашей работы, сократимъ пройденный Гоголемъ и нынѣ обозрѣваемый нами его жизненный путь, не останавливаясь на всѣхъ этапахъ Чичикова въ «Мертвыхъ душахъ», но лишь вызывая представленіе выведенныхъ имъ жизненныхъ типовъ печальной Руси, показанной въ этой поэмѣ съ одного боку.

И, вотъ передъ нами герой Гоголевской жизненной экзекюціи, коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ по своимъ надобностямъ. Паспортъ въ порядкѣ. Въ меньшемъ порядкѣ его внѣшность: его щеки—настоящій атласъ въ разсужденіи гладкости и лоска», одѣтъ по—модному—носитъ фракъ «брусничнаго цвѣта съ искрой» или «на-

варинскаго дыму съ пламенемъ». Въ обращеніи Чичиковъ--человѣкъ свѣтскій, находчивый, пріятный. «О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его», человѣкъ--съ широкимъ инстинктомъ приспособляемости. Человѣкъ умный и находчивый, съ легкой наклонностью къ поэзін, съ сильнымъ характеромъ, съ ясно выраженными чертами значительной даровитости; и при всѣхъ этихъ задаткахъ—плуть, изобрѣтатель, пріобрѣтатель, широко примѣняющій принципъ «цѣль оправдываетъ средства», погрязшій въ жизненной тинѣ и погибающій въ ней окончательно. На его совѣсти—много преступленій и злоупотребленій, которыя, къ нашему утѣшенію, приводятъ его къ неизбѣжной карѣ, но, составляя контрастъ его даровитости, заставляютъ насъ воскликнуть вмѣстѣ съ однимъ изъ положительныхъ типовъ «мертвыхъ дунгъ»: «Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою, и терпѣніемъ да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую пѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили столько усилій для него, какъ вы для добыванія своей копейки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ,—Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля! Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, что предъ собой стали виноваты, предъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначеніе ваше—быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили!»—Чичиковъ, несомнѣнно, личность недюжинная и чрезвычайно даровитая. Представьте его полнымъ силъ, съ свѣжимъ, гибкимъ умомъ, съ желѣзной волей и сопоставьте съ тѣмъ, что изъ него вышло, и вы, съ тоскою на сердцѣ, невольно повторите слова Тараса Бульбы надъ убитымъ имъ сыномъ Андріемъ:—«Чѣмъ бы не казакъ былъ? И станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою, а пропалъ безславно, какъ подлая собака». И развѣ къ одному Чичикову это приложимо?!—

Вотъ добренькіи, слащавый Маниловъ—съ книгой, два года заложеной на 14 страницѣ, съ мечтами о проведеніи ненужнаго подземнаго хода или объ устройствѣ воздушнаго моста, необычайно деликатный, мечтающій о томъ, чтобы «слѣдить какую—нибудь этакую науку, чтобы этакъ разшевелило душу дало бы, такъ сказать, паренье этакое»..., а на самомъ дѣлѣ разставляющій симметрично горки золы, вытрясенной изъ трубки. И смѣшно, и грустно..., а его нѣжная супруга, и дѣти: Ѳемистоклосъ и Алкидь. Далѣе—лгунъ и «историческій» чело-вѣкъ Ноздревъ, ищущій приложенія своихъ силъ, скупающій въ случаѣ карточного выигрыша всякую дрянъ и пытающійся сбыть Чичикову знаменитую парманку. Вотъ—коллежская секретарша Коробочка, расчетливо—гостепріимная скопидомка, предлагающая Чичикову на ночь почесать пятки, а себя смазывающая поясницу и ногу, «что повыше косточки»—свиннымъ саломъ и скипидаромъ, благочестивая и суевѣрная. За нею—обстоятельный хозяинъ Собакевичъ, надъ отдѣлкою котораго природа недолго мудрила, а просто: «хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ,хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обескобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: «живеть!»—Человѣкъ медвѣдь съ ужаснымъ аппетитомъ и во всякомъ чело-вѣкѣ видящій плута. Далѣе—прорѣха на чело-вѣчествѣ, помѣщикъ Плюшкинъ, къ которому нужно долго присматриваться, чтобы рѣшить, мужикъ это или баба, чело-вѣкъ, затворившій окна и дома, и души своей, заполнившій и домъ, и душу свою всякой гнилью и дрянью. Закончимъ обзорѣніе этой жизненной галлерей: она нескончаема, и уметвенный взоръ утомляется однообразіемъ однородныхъ впечатлѣній: Петрушка и Селифанъ, Анна Григорьевна, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и Софья Ивановна, дама просто пріятная, губернаторъ, вышивающій по тюлю, прокуроръ съ подмигивающимъ глазомъ говорящимъ какъ будто: «пойдемъ ка, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что то скажу», и прочія, и прочія лица осложняютъ, по не измѣняютъ характера общей картины «Мертвыхъ душъ». Всѣ эти Собакевичи, Ноздревы, Маниловы, Коробочки, Плюшкины—

они смѣшны въ своихъ одѣянiяхъ и нравахъ, они возмутительны въ своемъ духовномъ убожествѣ, и мы, вмѣстѣ съ великимъ идеалистомъ Пушкинымъ, сперва очень смѣемся надъ ними, затѣмъ погружаемся въ глубокую думу и, наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ же, тоскливо скажемъ: «Боже, какъ грустна наша Россiя», а шире и типично-психологичнѣе понимая эту грустную картину, дополнимъ: «Боже, какъ грустна наша человѣческая жизнь!» Предъ нами мертвыя души: тѣ, которыхъ покуналъ Чичиковъ, и тѣ у которыхъ онъ покуналъ, и самъ прiобрѣтатель—мертвая душа. Люди такъ же мертвы, какъ вещи; вещи такъ же живы, какъ люди. Люди и вещи ассимилировались. Мертвая жизнь, мертвые люди. Какъ автоматы, двигаются люди, не мертвѣе ихъ предметы: вотъ бричка Василисы Кашпаровны—«та самая, въ которой еще ѣздилъ Адамъ; и потому, если кто будетъ выдавать другую бричку за Адамовскую, то это суцая ложь, и бричка непременно поддѣльная»; мужики невольно кланяются знаменитой бричкѣ; вотъ другая бричка Коробочки, похожая на толстоцекии выпуклый арбузъ, поставленный на колеса, передвиженiе которой по направлению небольшой приходской церкви Николая на Недотычкахъ, приводитъ въ бодрственное состоянiе спящаго на другомъ концѣ города будочника; а шипящiе часы Коробочки, стулья Собакевича, табакерка Петровича, знаменитыя вывѣски, ноющiя двери въ домѣ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», салфетки и солонки трактировъ—всѣ эти вещи такъ же живы, какъ и тѣ люди, которыхъ можно характеризовать краткими выраженiями, вродѣ: «совершенный кофейникъ въ чепчикѣ».

И вся эта ужасная картина мелочей, онутавшихъ нашу жизнь, мертвыя души и оживающiе предметы—вызываютъ въ нашихъ глазахъ созерцаемый ветхозавѣтнымъ пророкомъ величественный и многозначущiй образъ ноля, которое полно костей человѣческихъ, которыхъ много на полѣ жизни и которыя сухи весьма. Передъ этой загадкой омертвѣвшей жизни, мертвыхъ душъ мы стоимъ въ раздумьи. Вѣдь всѣ эти Плюшкины, Собакевичи, Чичиковы, Ноздревы и сотни, и тысячи

имъ подобныхъ, развѣ не могли быть въ жизни добрыми казаками? Развѣ не имѣли, они въ свою пору крѣпкой для бою руки? Развѣ не были они все въ свое время «живыя души»?— И все это погибло. Все умерло, задохлось, сгнило... И мы невольно восклицаемъ со сказочнымъ героизмъ нашей первой романтической поэмы: «(, поле, поле! Кто тебя устѣялъ мертвыми костями?» Эта картина мертвой жизни и живой мертвечины невольно вызываетъ у насъ по адресу Великаго Ревизора жизни, вмѣстѣ съ древнимъ пророкомъ, роковой вопросъ: Оживутъ ли кости эти? И благо намъ, и отрада душѣ нашей, если мы увидимъ продолженіе знаменитой картины Тезекінля, тогда есть смыслъ и радость жизни, тогда есть надежда, что жизнь жива, и мы увидимъ стройный полкъ жизни, полкъ развивающихся и совершенствующихся человѣческихъ личностей, и горе намъ и Гоголю, если картина леновидца, созерцаемая и нами въ глубинѣ разумно-идейнаго духа, не перейти изъ розовой дали будущаго къ переживаемому настоящему и если широкимъ планомъ возрожденія жизни суждено оставаться лишь заманчивыми гипотезами. Настоящей же экскурсіей по царству жизненной ночи Гоголь убѣждаетъ насъ, что ужасы, пороки, печали и преступленія жизни — они болѣе смѣшны, чѣмъ страшны, чѣмъ вселяетъ въ насъ духъ энергію жизненной борьбы, въ чемъ мы можемъ подражать Чичикову, но энергій этой нужно очень много, ибо, быть можетъ, много разъ придется терять съ трудомъ добываемую позицію и тысячи разъ убѣждаться, что «спящая птица» счастья, данная каждому человѣку Богомъ и лучезарною природой въ идеальныхъ стремленіяхъ вѣчной души, во мракѣ и бездушьи жизни мертветъ и человѣкъ не сразу, и не всегда замѣчаетъ, что эта завѣтная и дорогая птица мертва.

V.

Гоголь въ царствѣ будущаго. Мечты и разочарованіе.

1. Продолженіе «Мертвыхъ душъ».
2. «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».
3. Смерть Гоголя.

Смѣясь надъ своими странными героями, печалась за ихъ мертвость, изображая «мертвыя души», Гоголь вѣрнѣе въ Русь и живыя души. Въ глубинѣ холоднаго смѣха у него скрыты горячія искры вѣчной могучей любви.—По плану Гоголя его поэма «Мертвыя души» должна дать въ своихъ продолженіяхъ людей съ хорошими задатками и безъ порочныхъ наклонностей; Гоголь мечталъ, что въ концѣ его поэмы «предстанутъ колоссальные образцы, двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ и вся она приметъ величавое лирическое теченіе. Почувствуются инныя, еще небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ». А кончая I томъ «Мертвыхъ душъ», Гоголь вдохновенныхъ пророческимъ ясновидѣніемъ представляеть прогрессивно-идеальный ростъ Руси въ образѣ несущейся тройки: «Не такъ ли ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значить это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жимкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и ра-

зомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты?—дай отвѣтъ. Не дастъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливається колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, ностораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства».

Такова мечта, рисующая намъ Гоголя, какъ поэта патріота и гражданина.

А дѣйствительность дала поэтическому творчеству Гоголя другое.—Вотъ Андрей Иваповичъ Тентетниковъ—образованный, идеально—настроенный человекъ, съ добрыми намереніями, чувствительный, по болѣзненно самолюбивый и лишенный энергіи воли, самъ сознающій свое безсиліе; хорошій, но бесполезный и страдающій человекъ—«копитель неба».—Вотъ фантастическая Улинька—дочь генерала Бетрищева; «необыкновенно трудно опредѣлить ея портретъ», говоритъ Гоголь: «она была миловиднѣй чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ; стройнѣй, воздушнѣй классической женщины». Не вполне опредѣленно рисуется ея внѣшность, еще менѣе ясенъ ея внутренній міръ: идеально высокаго—достаточно, но жизненнаго—мало; Улинька—существо жизненно—безкровное, это скорѣе видѣніе, чѣмъ реальный, человекъ. Ея отецъ—генералъ Бетрищевъ. добродушный, болѣзненно—самолюбивый, съ патріотизмомъ въ душѣ, но н высококомѣрно—важный; носителемъ идеи быть не можетъ. Идеаломъ помѣщика во II т. «Мертвыхъ душъ» выставленъ полковникъ Кошкаревъ. «Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичи и бревенъ по всеѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣсть. На одномъ было написано золотыми буквами: «Депю земледѣльческихъ орудій», на другомъ: «Главная счетная экспедиція», на третьемъ: «Комитетъ сельскихъ дѣлъ», «Школа нормального просвѣщенія поселянъ»; словомъ, чортъ знаетъ, чего не было! Чичиковъ думалъ, не въѣхалъ ли онъ

въ губернской городъ. Полковникъ борется съ русскимъ невѣжествомъ и борьба эта направляется къ тому, чтобы русскаго мужика одѣть понѣмски, а русскихъ бабъ заставить надѣть корсетъ, научить играть на фортепiano и дѣлать реверансы, а въ его библиотекѣ было много замѣчательныхъ хозяйственнo—научныхъ изданій подъ трогательными заглавіями, напр. «Свиноводство, какъ наука», или: «предупредительное вступленіе къ теоріи мышленія въ нхъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенія общественной производительности», а наличность хозяйства Кошкарева даетъ не мало иллюстраціи практической приложимости указанныхъ руководствъ. Типъ идеальнаго человѣка выставленъ въ лицѣ откупщика Муразова, нажившаго большія деньги на торговлѣ водкой и произносящаго гуманныя рѣчи о любви къ падшему человѣку, о необходимости кротко относиться къ людямъ и т. д., и все въ томъ же родѣ. Такова дѣйствительность настоящаго, таковы надежды будущаго. Здоровая жизненность человѣческаго счастья утрачена, синія штпа счастья и всеобщаго благоустройства пріобрѣла въ очертаніи Гоголя лишь розовый цвѣтъ утѣшающей надежды. Штица-тройка, несущаяся впередъ, Русь,—предметъ вдохновенныхъ надеждъ Гоголя,—въ осязаемой реальности обратилась въ истрепанную тройку Павла Ивановича Чичикова: «и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились и въ дорогѣ пришлось чинить бричку». А если прибавить къ этому ужасающую картину бюрократической путаницы, которая явилась въ результатѣ пріобрѣтательской эпопеи Чичикова, въ которой не могъ разобраться добродѣтельный и благородный Генераль-Губернаторъ, мы представимъ и поймемъ невыносимо-ужасное душевное состояніе великаго вдохновеннаго создателя всей этой, по мѣстамъ, мелькомъ пройденной нами картины, поймемъ и неизбѣжный для него отсюда выходъ. Собравъ вмѣстѣ всѣ винты и колеса бюрократической машины, Генераль-Губернаторъ говорить этимъ недостойнымъ строителямъ блага земли

русской: «дѣло въ томъ, что пришло намъ время спасать нашу землю; гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати племениныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ не ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху всеобщаго возстанія народовъ, долженъ возстать противъ неправды»... Не мудрено, что, при видѣ всѣхъ злобъ, неправдъ и преступленій, при видѣ громадной толпы вызваннаго имъ къ жизни смѣшнаго и осмѣяннаго, обиженнаго и обижающаго человѣчества, нашему великому Гоголю стало невыносимо тяжело, его душою овладѣло отчаяніе и раскаяніе: отчаяніе—воплотить идеалъ въ русскихъ тинахъ, раскаяніе—за Русь угнетенную и обиженную нмъ. Счастье—въ легкой дымкѣ облачка пронеслось надъ воспаленной головой Гоголя.—А между тѣмъ оно такъ близко, такъ возможно... «Русь!... Чего жъ ты хочешь отъ меня»? спрашиваетъ Гоголь, «что пророчить твой необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразаясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль!... Русь!...» Но гдѣ тотъ, «кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ—крикнулъ душѣ пробуждающее слово: «впередъ»!, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящей, всѣхъ сословіи, званій и промысловъ русскій человѣкъ».

И Гоголю страшно хотѣлось крикнуть это пробуждающее слово, крикнуть его на все необъятное пространство родной земли, чтобы слышали его всѣ—и ближніе, и дальніе; и

мертвые уже, и мертвѣющія души, и, отряхнувъ свою мертвенность, ожили бы для новой жизни, согласной съ идеаломъ. Но это не дано было Гоголю и потому, когда онъ хотѣлъ сказать свое живое слово съ девизомъ «впередъ», послышался лишь хрипящій голосъ предсмертнаго бреда съ обрывками мыслей дорогихъ и возвышенныхъ, но, увы, мало связныхъ и не воплотившихся въ идейный живой образъ. Ему дано было Провидѣніемъ гениальное искусство поставить вѣрный и отчетливый діагнозъ болѣзней родной земли, но задача врачеванія ея недуговъ дана была другимъ, которые вошли въ трудъ многострадальнаго Гоголя. Явились «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» (1847г.). Исповѣдь кающагося грѣшника, какимъ считаетъ себя Гоголь, перемѣшивается въ этой книгѣ съ увѣренною проповѣдью исправленія и обновленія жизни. Предчувствіе смерти, опасеніе невыполнить долгъ, завѣщанный отъ Бога, сознаніе затрудненія высказать все, нагорѣвшее въ душѣ,—отражаются на неровности тона этой книги и значительной беспочвенности предлагаемыхъ въ ней совѣтовъ. По мѣстамъ—наоусъ, мѣстами—упадокъ настроенія, стремленіе морализовать жизнь, отказъ отъ предназначенной ему роли сатрика-идеалиста, все это, отразившись въ содержаніи «выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», значительно повліяло на упадокъ общественныхъ симпатій къ автору «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Содержаніе этой книги сложно и необычайно разнообразно. Надъ всѣми отдѣльными сужденіями доминируетъ мысль о преобладающемъ значеніи въ жизни человѣка «дѣла душевнаго». Въ аскетической отрѣшимости своей отъ міровыхъ и жизненныхъ условій, Гоголь тщетно пытается замѣнить дѣйствительныя крылья жизненной птицы—бутафорскими обломками раскритикованной имъ, изветшавшей Чичиковской брочки и высокіе идеалы побѣдной жизни—основательными соображеніями знаменитаго «пріобрѣтателя». Подъ это общее положеніе можно подвести почти все разнообразное содержаніе «Выбранныхъ мѣстъ...», гдѣ онъ старается воскресить строй патріархальной жизни въ духѣ, нынѣ проповѣдуемомъ Л. Н. Толстымъ, признаетъ законность крѣ-

постного права и подаетъ совѣты идеальному помѣщику, защищаетъ всю бюрократическую систему и опредѣляетъ ея возможную спасительность въ связи съ дѣятельностью губернаторши и губернатора. Онъ отказался отъ ломки настоящаго во имя будущаго и призналъ безпорную самодовлѣмость современности, если только будетъ преуспѣвать «дѣло душевное». Но какъ выразитель этого «душевнаго дѣла», какъ носитель религіознаго идеала, какъ аскетъ-моралистъ, Гоголь великъ въ этой перепискѣ и вызываетъ въ отношеніи къ себѣ сочувствіе. Во многихъ, лучшихъ въ религіозномъ отношеніи мѣстахъ его переписки онъ производитъ впечатлѣніе гражданина потусторонняго міра, въ трансцендентальности своихъ новыхъ воспріятій имѣющаго «мало дѣла до случайныхъ тревогъ и радостей земныхъ». Какъ человѣкъ, сознающій тщету всѣхъ своихъ земныхъ заботъ, Гоголь предоставляетъ землѣ заботиться о земномъ, мертвымъ—погребать своихъ мертвецовъ и взглядомъ обитателя иного міра участливо и сочувственно смотритъ на бренную землю, не все, однако, понимая въ ея временныхъ заботахъ. Великъ этотъ надземный идеаль искренно религіознаго человѣка, но—въ формѣ яркаго выраженія въ художественно-живыхъ образахъ онъ не нашелъ себѣ мѣста въ творествѣ Гоголя, и строительство земли по небесному ему не удалось; небесный идеаль намѣченъ, но осязательные пути къ нему въ условіяхъ быта человѣческаго остались не вполне опредѣленными.

И Гоголь чувствовалъ и сознавалъ это, и по нѣсколько разъ сжигалъ послѣдніе результаты своего творчества.

И Гоголь умеръ, изнемогъ подъ тяжестью своего писательскаго креста, онъ—въ 43 года сгорѣлъ за болѣзни наши, за скорби земли русской, за тяготы человѣчества, и его любящей, горящей многострадалной душѣ, вѣримъ мы, открылся рай и, представъ предъ Великимъ Ревизоромъ жизни и помысловъ человѣческихъ, онъ оказался чистымъ и правымъ за свою великую любовь и безпредѣльное страданіе.

Кончимъ свои воспоминанія о Гоголѣ. Въ заключеніе обратимся къ настоящей судьбѣ писателя, къ нашему современному настоящему.

VI.

Заключеніе.

Что уносимъ мы съ поминокъ великаго сатирика—идеалиста—судьба писателя въ нашихъ душахъ и современной русской дѣйствительности.

Заканчивая нашу номинальную рѣчь, кратко подведемъ итоги пройденнаго пути и опредѣлимъ свое отношеніе къ воспоминаемому писателю.

— 1. Многочисленныя собранія въ память Гоголя, въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія его, по всему обширному пространству любимой имъ земли Русской говорятъ о томъ, что великая Русь любитъ своего великаго бытописателя. И, приводя, съ поправкой, его же слова о судьбѣ писателя—сатирика, мы можемъ сказать: ему собрать народныя рукописанія, ему видѣть признательныя слезы и единодушный восторгъ взволнованныхъ имъ душъ, за нимъ все признаютъ великое сердце и чуткую душу и отъ него никто не посмѣетъ отнять божественное пламя таланта! Сурово его поприще, но и отрадно, и онъ не одинокъ въ настоящій номинальный день!

Неужели же не «писатель—гражданинъ тотъ, кто своими художественными произведеніями подкопалъ все зданіе общественной скверны и всѣхъ призвалъ къ поправкѣ общественнаго зданія»?

2. Но такъ ли мы цѣнимъ этого «писателя—гражданина, достаточно ли извѣстенъ онъ намъ и особенно въ широкихъ народныхъ массахъ, торная ли тропа ведетъ къ его дорогой могилѣ; или, быть можетъ, справляя урочные номинальные дни по своимъ писателямъ, отдаваясь воспоминаніямъ о нихъ по обычаю и положенію, мы снова возвращаемся въ ряды мертвецовъ жизни и, слабо сознавая мертвость своей души, мало содѣйствуемъ оживленію души народной, —нашего меньшаго брата; мало вбирая въ свою душу плодотворныхъ зеренъ

чисто человѣческой жизни, мы оставляемъ бесплодно и душу народную, и «золото, золото—сердце народное» лежитъ подъ грязнымъ налетомъ невѣжества косности и лѣни—нашей и своей?! Достаточно яркѣй отвѣтъ и наглядную иллюстрацію на возбуждаемые вопросы представляютъ двѣ нижеслѣдующія картинки, указывающія, какъ знаютъ Гоголя на мѣстѣ его послѣдняго упокоенія—въ Великороссіи и насколько помнятъ его въ любимой имъ Малороссіи.—Гоголь похороненъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ. Совѣмъ безвѣстные поклонники Гоголя по временамъ проникаютъ на кладбище Даниловскаго монастыря, грустно застаиваются надъ могилой и украдкой записываютъ или вырѣзаютъ свои имена и сочувственныя заявленія на крестѣ, возвышающемся надъ каменной глыбой, за надгробною плитой. Такое паломничество къ его могилѣ бываетъ, однако, не часто. И, если доберешься до цѣли, не сразу найдешь, гдѣ схороненъ великѣйшій писатель. Вы спрашиваете одного сторожа, потомъ другого, какъ ближе пройти къ могилѣ Гоголя, и они отвѣчаютъ, что такой не знаютъ. Чисто одѣтая старушка отвѣшиваетъ земные поклоны и плачетъ на могилѣ Гоголя, живо подтверждая, по видимому, горе народа надъ прахомъ великаго человѣка. Но, оказывается, она оплакиваетъ своего усопшаго благодѣтеля, какого то Александра Кириллыча, и, узнавъ, что это—могила Гоголя, быстро уходитъ, какъ бы недовольная своей ошибкой¹⁾ Это—въ Москвѣ.

«Не знаютъ у насъ Гоголя», говоритъ случайный дорожный собесѣдникъ сотруднику Кіевской газеты, интересующемуся вышепоставленнымъ вопросомъ и предпринявшему нынѣ, по случаю Гоголевскаго юбилея, поѣздку въ Миргородъ

Знаютъ кое что о Гоголѣ учащіеся въ школахъ и то больше по отрывкамъ въ учебникахъ

А что касается взрослыхъ, то старшее поколѣніе совершенно не знаетъ Гоголя и даже о немъ не слышало, а изъ молодого, можетъ быть, одинъ только процентъ имѣетъ пред-

¹⁾ Веселовскій. Этюды и характеристики, изд. 2. М. 1903 г. стр. 561.

ставленіе о томъ, кто такой Гоголь. По случаю юбилейнаго чествованія Гоголя крестьяне думаютъ, что Гоголь—это новый Святой, въ родѣ Преп. Серафима Саровскаго и доньтываются, будутъ ли каждый годъ этого святаго праздновать. Въ Миргородѣ есть Гоголевское художественно-промышленное училище. Но рѣдкіе изъ опрошенныхъ путешественниковъ лицъ изъ народа знаютъ что либо о Гоголѣ. «Гоголь.., якъ же чув... чув... да це тій же самый, що училище его на горі... кое кто знаетъ, что Гоголь «кныжки пысавъ». Но какія именно книжки, почему Гоголю поставили памятникъ въ Миргородѣ, отчего его чествуютъ—этого никто изъ опрошенныхъ не знаетъ и ничего отвѣтить на это не могъ. Въ самой Васильевкѣ старики помнятъ о Гоголѣ. Но что? «Панъ такой былъ въ Васильевкѣ, добрый панъ», «добрый, кажуть, панъ бувъ... И скажите на милость—и не дуже щобъ богатый, а яка память! Мабудь добры діла ділавъ»... Панъ добрый Панъ! Но Гоголь—поэтъ, Гоголь—писатель.. Великій Гоголь! Такимъ его не знаетъ и, вѣрно, не скоро еще узнаетъ народъ, даже въ самомъ сердцѣ Гоголевицны,—даже въ родной Гоголю Васильевкѣ ¹⁾! Это—въ Малороссіи.

И при составленіи этихъ двухъ картинокъ съ переживаемымъ нами повышеннымъ настроеніемъ по случаю оживленія въ нашей памяти знаній о Гоголѣ намъ невольнo становится досадно и грустно, невольнo припоминается глубоко-лирическое восклицаніе одного изъ нашихъ писателей народниковъ по поводу бѣдности духовнаго просвѣщенія народныхъ массъ и слабой освѣдомленности ихъ о своихъ писателяхъ: «Эхъ! Эхъ! придетъ ли времячко,

Когда (приди желанное!..)
Дадуть понять крестьянину,
Что книга книгъ рознь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глунаго—
Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ»?!

¹⁾ Киев. Вѣсти за 1909 г. № 77.

Около 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и мы не видимъ, чтобы отиѣченныя пожеланія вполнѣ осуществились: книжный рынокъ нерѣдко и нынѣ наводненъ изданіями, мало отвѣчающими потребностямъ народной души, а Гоголь, великій Гоголь и печальникъ народный все еще не имѣеть должнаго распространенія въ народныхъ массахъ. Что будетъ послѣ нынѣ справляемаго столѣтняго юбилея со дня рожденія Гоголя, неизвѣстно: возвратимся ли мы къ обычнымъ занятіямъ своимъ послѣ поминокъ великаго писателя, съ забвеніемъ его свѣтлаго облика, его печалей и его заслугъ и самому Гоголю предоставимъ тонуть въ этомъ забвеніи?...—Да не будетъ! Или, напротивъ, возвращаясь къ обычной жизни нашей, неся въ своемъ сердцѣ свѣтлыя завѣты писателя, будемъ всеми силами бороться съ изображенными имъ отрицательными сторонами жизни—«Гоголевицны»—въ насъ самихъ и въ жизни общественной?

—Буди, буди!

3. Составленіе будущаго,—того, что впереди, и настоящаго,—того, что на лицо, и составляетъ основу жизненной драмы Гоголя. Гоголь горячо вѣритъ въ свѣтлое будущее родины. Онъ чувствуетъ въ родномъ народѣ неиссякаемый запасъ не только физическихъ, но и нравственныхъ, и умственныхъ силъ. По его глубокому убѣжденію, русская душа—неистощимый кладъ, способный обогатить все другіе народы. Но это дѣло будущаго. Что же теперь? Картина наличной дѣйствительности близка ли къ грядущему свѣтлому будущему?—Прошло сто лѣтъ со дня рожденія Гоголя, 57 лѣтъ со дня смерти его. За это время великій авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» давно уже сталъ у насъ для интеллигентнаго круга классическимъ писателемъ. Умеръ Гоголь, но не умерли, продолжаютъ жить Чичиковы, Маниловы, Плюшкины, Ноздревы и проч. и проч. И вспоминая нынѣ автора «Мертвыхъ душъ», мы не можемъ, однако, сказать, что въ жизни человѣческой, въ жизни русской—съ «Гоголевицной» покончено. Странные герои Гоголя долговѣчны, долго живутъ и слабо уменьшаются въ числѣ. Безидейность и пустота жизни, бѣдность и убожество жизненныхъ интересовъ, вся падалъ и мертвечина души—продолжа-

ютъ жить. Гоголь умеръ, а гоголевскіе типы и до сихъ норъ съ нами, въ нашей общественной жизни, нерѣдко въ насъ самихъ. По свидѣтельству современныхъ талантливыхъ наблюдателей нашей жизни, жизнь наша напоминаетъ жизнь типичнаго Миргорода; съѣдаются души человѣческія, какъ дыни въ Миргородѣ; душа человѣческая нерѣдко и нынѣ предпочитаетъ лежать подъ прохладнымъ навѣсомъ косности и лѣни, а душевныя богатства также глупо расходуются, какъ достояніе Миргородскихъ друзей, ввязавшихся въ безконечную, бессмысленную тяжбу. Въ изображеніи и освѣщеніи современныхъ писателей человѣческая жизнь, наша русская жизнь является хмурую, тоскливою, вялою. Народъ, меньшей братъ нашъ, даетъ матеріалъ, по преимуществу, для «Мужиковъ» Чехова, или для «Бывшихъ людей», людей «Дна» героевъ Горькаго, а въ интеллигенціи такъ много до сего времени «Хмурыхъ людей», «человѣковъ въ футлярѣ»; въ народѣ царитъ «власть тьмы», а въ интеллигенціи—нерѣдко сомнительныя «плоды просвѣщенія»; «три сестры»—но прежнему стремятся въ Москву, какъ будто все дѣло—въ Москвѣ. Нигдѣ не видно просвѣта и радости. Многіе современные писатели отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ хмурую, сѣрую жизнь, сами хмуры и сѣры и не въ силахъ преобразить жизнь. Пессимистично и тяжело, сѣро на душѣ! Современный угрюмъ человѣкъ! Жизнь не удовлетворяетъ въ своей очевидности и человѣкъ жадно хватается за манящую въ даль сказку символизма. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

4. Но не къ этому звать и зоветъ насъ Гоголь, не хмулость и тоску завѣщаль онъ намъ, а призывъ къ бодрой радостной работѣ надъ собою и жизнью, во имя истины, добра и красоты, на благо и славу великой необъятной Руси. Проникнемся этой работой созиданія, начнемъ эту работу и, поднявшись на высоту нашихъ вѣчныхъ идеальныхъ стремленій, сказавъ себѣ вдохновенное «впередъ» «во имя милаго былого, во имя славнаго творца, дадимъ же мы другъ другу слово—не измѣняться до конца» въ своей вѣрности идеалу, чтобы, по секретному предписанію Великаго Ревизора спустившись на

нашу землю, вспоминнаемый нами писатель увидѣлъ не «мертвые души», а неудержимо и побѣдно несущуюся впередъ тройку и восторженный радостный смѣхъ побѣдителя зла и неправды да смѣнить великій, но скорбный смѣхъ почившаго великаго печальника земли русской! Настоящую же поминальную рѣчь свою закончимъ прославленіемъ Гоголевскаго видимаго міру скорбнаго смѣха, прославленіемъ генія—творца этого смѣха.—

«Въ безстрашной дерзости нахально торжествуя,
Гуляли по свѣту пороки, уродство, грѣхъ,—
И вдругъ встревоженно попрятались, ночуя
Опаснаго врага: то былъ всеильный смѣхъ

Не ядовитый смѣхъ слѣпого озлобленья,—
Нѣтъ, тотъ, въ чьей глубинѣ бѣжитъ, чиста, свѣтла,
Струя широкая любви и сожалѣнья
О братьяхъ, гибнувшихъ въ оковахъ духа зла.

Како Божьи вѣстники,—спасительныя грозы
Сметають прочь съ небесъ ряды зловѣщихъ тучъ,
Такъ этотъ чудный смѣхъ, *весьмъ видимый*—сквозь
слезы,

Никльмъ незримья, понесся смѣлъ могучъ.

И съ этихъ поръ все то, что не страшится кары
Ни Божьей, ни людской, блѣднѣетъ и дрожитъ,
Когда, неся съ собой смертельные удары,
Вдругъ этотъ мощный смѣхъ побѣдно загремитъ.

Съ нимъ сдѣлокъ—никакихъ, не знаетъ онъ пощады,

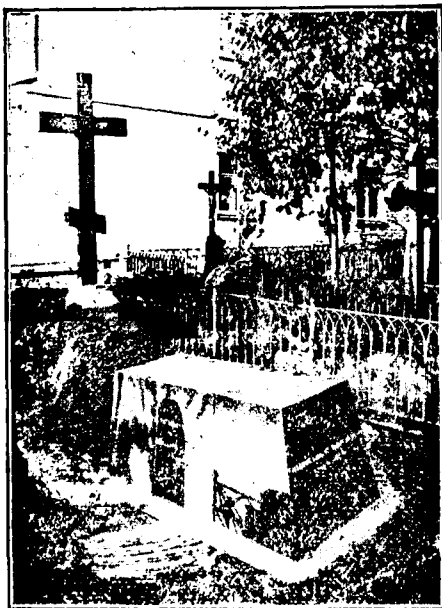
И смотря на него все эти слуги зла
Съ безильной злобою, какъ изъ болота гады—
На царственный полетъ богатыря—орла.

Слава смѣху благородному,
Слава храброму воеводу,
Прямодушному, свободному,
Тьмы и кривды разрушителю,

Слава творческому гению—
Этой силы воплощенію
Средь соотичей своихъ,
Рѣзкимъ «словомъ отрицанія»,
Въ царство свѣта, мира, знанія
Призывающему ихъ!

(П. Вейберъ).

Леонидъ Соколовъ.

Могила Н. В. Гоголя.

20 Марта 1909 года.

Кіево-Подольская Женская Гимназія.